

БОЖЕНА РЫНСКА

БОЖЕ,
БОЖЕНА!

МУЖИКОВЕДЕНИЕ
И ДРУГИЕ ИСТОРИИ

18+

Божена Рынска

Боже, Божена!

Серия «Тренды Рунета»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67934879

Боже, Божена!:

ISBN 978-5-17-114482-1

Аннотация

Вожена Рынска – российская журналистка, блогер, писательница, «светская львица». Важным для биографии Рынской моментом продвижения в карьере стали блоги в социальных сетях. Она вела «ЖЖ-блог» под ником «becky-sharpe» (это имя – Becky Sharp – одной из героинь романа «Ярмарка тщеславия», авантюристки, пытавшейся пробиться в светское общество).

«Как простожителы воображают себе мир богатых и знаменитых? Блестящие, богатые, успешные, красивые сверхлюди на картинках в глянцевах журналах. Обыватель и ненавидит их, и активно интересуется, а как там у них, в первом ряду, плачут или нет? С кем развелись? Кого родили?»

Почти десять лет я была в первом ряду. Записывала свои наблюдения за красивой жизнью и ее героями. В первом ряду – там, где и список «Форбс», и олигархи-light, и настоящие кинозвезды, полным-полно халифов на час, что-то урвавших,

куда-то взлетевших, кого-то захапавших в мужья или хотя бы в спутники».

Книга о жизни на Патриках, легкости бытия, больших деньгах, тусовках и извечном вопросе:

«Почему одним жизнь – карамелька, а другим – муки горькие?»

Содержание

Тусовка	6
Законы тусовки	6
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Божена Рынска

Боже, Божена!

© Божена Рынска, текст, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Тусовка

Законы тусовки

Как простожители воображают себе мир богатых и знаменитых? Блестящие, богатые, успешные, красивые сверхлюди на картинках в глянцевах журналах. Обыватель и ненавидит их, и активно интересуется, а как там у них, в первом ряду, плачут или нет? С кем развелись? Кого родили?

Почти десять лет я была в первом ряду. Записывала свои наблюдения за красивой жизнью и ее героями. В первом ряду – там, где и список «Форбс», и олигархи-light, и настоящие кинозвезды, полным-полно халифов на час, что-то урвавших, куда-то взлетевших, кого-то захапавших в мужья или хотя бы в спутники. И вот про этот «первый ряд», а также про подпирающую его галерку и многочисленные свиты со всякими it-пиявками и it-лягушками и будет мой рассказ.

Сначала и начнем, – как попасть в тусовку? Пропуском в тот самый первый ряд может быть и миллиард, и бестселлер, и неопикуемая красота.

Моим пропуском в тусовку нулевых был талант фельетониста – не больше, но и не меньше. Стремительное восхождение началось с полосы в «Известиях». Случайная встреча

в ночном клубе, случайное предложение поработать, неожиданно открывшийся талант – и волна успеха вынесла меня на берег столичной светской жизни. И даю вам честное слово: до этого я в тусовку никогда не рвалась, не считала себя достаточно талантливой и красивой для этого. «Мне бы без спешки поездить в тележке», а вона как жизнь обернулась.

Не думаю, что промоутеры мечтали меня видеть на своих вечеринках, – внешне я все-таки неформат, не грациозная, не стильная, но я была той самой злой ведьмой, не позвать которую – себе дороже. В рабочий кабинет приходили пачки приглашений. Их было так много, что каждое следующее вызывало раздражение – опять краситься, опять нечего надеть, опять куда-то переться. Конечно, это не у марте-на стоять и не шпалы в оранжевом жилете укладывать. Но тем не менее вереница вечеринки занимали массу душевных сил и времени, хотя, конечно, и веселило тоже изрядно, все по Онегину: «Бывало, он еще в постеле: к нему записочки несут. Что? Приглашенья? В самом деле, три дома на вечер зовут: там будет бал, там детский праздник. Куда ж поскачет мой проказник?»

Работа была не пыльной. Сбылась моя гранд-мечта – не сидеть в офисе, спать досыта и работать только по вечерам. Но количество мероприятий здорово раздражало. Все прямо по Довлатову: «Мой двоюродный брат Илья Костаков руководил небольшим танцевальным ансамблем. Играл в ресто-

ране «Олень». Однажды зашли мы туда с приятелем. Сели обедать. В антракте Илья подсел к нам и говорит: «Завидую я вам, ребята. Едите, пьете, ухаживаете за женщинами, и для вас это радость. А для меня – суровые трудовые будни!»

Вредность профессии хотелось свести к минимуму, к одному вечеру в неделю, и я перешла в «Газета. ру». Приглашений сразу стало меньше, – потому что и писать я стала меньше. Это была нормальная зависимость, зависимость популярности от количества публикаций. Ну не то чтобы нормальная, а, так скажем, справедливая. Я никогда не обижалась, когда меня куда-то не звали. Не позвали – окей, меньше писать, не надо краситься, мне и так все расскажут. К тому моменту я числилась уже не только популярным фельетонистом, но и успешным ЖЖ-блогером. Тогда же я начала избыточно много ходить на телеэфиры. Меня все время куда-то звали, но насладиться тем, что зовут, тем, что я, как говорят французы, *branché*, включена, я не смогла – у меня начались личные проблемы, и мне решительно нечего было надеть.

В России традиционно неуважительно относятся к депрессии. Мол, знаем мы твою депрессию, корову бы тебе, а лучше две. На самом же деле, это тяжелейшее заболевание. Радость не приносит ничего, даже такая непыльная и денежная работа, как у меня. Я в депрессии замыкаюсь в себе, прилипаю к своей берлоге. Так и произошло в конце нулевых.

Каждый выход в свет превратился для меня в пытку. Надо было «держать фасон», я старалась, чтобы никто не замечал моего состояния. Я пыталась острить в соцсетях, чтобы не потерять рейтинга, а значит, заработка. Но на самом деле, весь день мечтала, чтобы он скорее кончился и можно было лечь спать, отключиться. Самые счастливые мгновенья я испытывала, уходя в общий наркоз на операциях.

Но все проходит, тучи депрессии рассеялись, и в моей жизни появился не кто-нибудь, а чекист со всеми бонусами этого утеснительного сана – самолетом, яхтой и вертолетом. До Болотной и проспекта Сахарова дружба с чекистом еще не была таким зашкваром, как сейчас, хотя приличные люди уже тогда обходили их стороной. Что характерно – все, с кем сложились задушевные отношения до моего похода в светские обозреватели, иными словами, друзья вне тусовки, – остались к факту наличия чекиста совершенно равнодушны. Никто не выразил желания пойти посидеть вместе, например. А питерский друг даже предупредил, что лучше бы мне держаться подальше от человека, которому с такой готовностью открыла свои объятия светская тусовка.

А открыла она их нараспашку – глава Михайловского театра Владимир Кехман начал уважительно звать меня на аф-тепати своего приема в рамках Питерского форума. Ульяна Цейтлина стала уговаривать своего олигарха поехать на этот форум, потому что «у Божены с Володей там есть стол, и вот с такими людьми и надо водиться». На этом же форуме к

нам, как к паре, подошел засвидетельствовать почтение мой бывший. И уже почти все московские приглашения заканчивались словами: «Передайте NN, мы очень, очень рады будем его видеть».

Меня часто спрашивают: наверное, мол, одно говно в этой тусовке. Нет, это не так. И в тусовке, и в маршрутке процент говна и не говна одинаковый. Как в российской жизни 86 процентов – говно, так и в тусовке.

Как сказал, вздыхая и пытаясь перестроиться, таксист-азиат в зарисовке Виктора Шендеровича: «Десять процентов». «Что – десять процентов?» – «Десять процентов людей только хорошие. Остальные – нет».

Но в тусовке, как на авансцене, это просто заметнее. Первые ряды всегда под прицелом недоброго дыхания «камчатки», которая не просто завидует и желает тебе провалиться, но и старается изо всех сил этому поспособствовать. Спрашивается – зачем? К чему это пихание локтями и ножевые удары в спину? Со стороны посмотреть – абсурд какой-то: не за кусок хлеба люди дерутся, а за то, чтоб Даша Жукова на яхту позвала! Но когда сидишь внутри, в центре этого, все представляется таким важным, таким настоящим!

Поэтому мне кажется необходимым почаще менять дискурс, сдвигать точку сборки, отходить на пару шагов от главного двигателя всех тусовочных процессов – моды. Я была модным светским обозревателем, олигарх Мамут называл

меня королевой светской хроники. Но в 2011 году, сразу после украденных выборов, я примкнула к протестующим. Моды на сопротивление тогда еще не было. Я не следовала тренду – вышла по велению души. Дальше – та самая цепь случайностей. Случайно и противозаконно свинтили, случайно оказалась на первых полосах газет. Протест резко вошел в моду, и случайно вместе с ним в моду вошла и я, уже не как фельетонист, а как оппозиционер. Здесь снова хочется вспомнить Довлатова: «Хорошо идти, когда зовут. Ужасно – когда не зовут. Однако лучше всего, когда зовут, а ты не идешь...» Все эти варианты мне предстояло испытать на собственной шкуре.

Человеком того года по версии Time стал Протестующий. На Болотную вышли и Света Бондарчук, и Полина Дерипаска – маркеры светской успешности. Оппозиция казалась сильной. На меня сыпались просьбы об интервью и приглашения на светские дни рождения. Например, я впервые получила приглашение к Свете Бондарчук. Тогда же, одновременно с протестом, в моей жизни появился мужчина моей жизни Игорь Малашенко. Мы вошли в моду уже как пара, и каждый промоутер стремился нас заполучить. Журнал Tatler внес нас в список «100 самых желанных гостей светской Москвы».

Прошли еще полгода. Первое уголовное дело, затем вто-

рое. Протест был провален. Все, кто желал нам зла, активизировались. Энтэвэшники нападали прямо у дома. У дома основателя своего канала. Мне наивно казалось, что, учитывая, кто создал канал, НТВ не посмеет послать к нам свой отряд летучих мандавошек. Но, возвращаемся к теории таксиста о десяти процентах. Не только послали, но и травили круглосуточно. Одним из самых ярых организаторов травли был некто Бирюков. Когда-то, вместе с женой Екатериной Рождественской, гостивший у Игоря на яхте. У Бирюкова был запойный отец, Игорь очень жалел его, покровительствовал и раз за разом выбивал для него дома и квартиры у Гусинского. И вот этот самый Бирюков, которому Игорь благодетельствовал, и был одним из организаторов атаки, пользуясь тем, что он – глава ТСЖ в нашем доме, – пускал энтэвошек внутрь охраняемого дома, давал указания охранникам сливать записи с камер слежения.

Прослушка, слежка, травля... Игорь пал духом. И вот тут-то я впервые четко зафиксировала – стало резко меньше приглашений. Я была в тяжелейшем психологическом состоянии и не хотела выходить в люди, понимая, что раненый зверь привлечет хищника. Но именно поэтому выходить мне было очень нужно, мне было нужно, чтобы звонили, приглашали, я бы пошла – через «не могу». Но телефон молчал.

Дальше – больше. Впервые не позвонили с фестиваля «Кинотавр», с которым я долгие годы дружила и про кото-

рый неизменно писала с 2006 года. Я входила в журналистское ядро фестиваля, руководство звало меня на ежедневные ужины жюри «за занавесочку» таверны «Дионис» вечерять с самыми «виповыми» гостями. А тут просто даже на сам фестиваль не позвали. И не позвонили, не извинились. Вот тогда я и испытала настоящий шок – в первый и, надеюсь, последний раз в жизни. Понимаете, такое поведение было бы вполне объяснимо и ожидаемо, скажем, от лицемера и кривляки промоутера Друяна, но никак не от Роднянских – от них я ну никак этого не ожидала. А от некоторых, наоборот, ожидала, а они этих моих ожиданий в хорошем смысле не оправдали.

В тусовке нет понятия «бойкот», есть – сошел с гребня волны, просел. Я понимала, что просела. Это был факт. И в тот момент вся зависть задних рядов, вся злоба первого ряда проявилась во весь рост. Каренин у Толстого понимал, что «не может отвратить от себя ненависти людей оттого, что он постыдно и отвратительно несчастлив. Он знал, что за это, за то самое, что сердце его истерзано, они будут безжалостны к нему. Он чувствовал, что люди уничтожат его, как собаки задушат истерзанную, визжащую от боли собаку».

Тусовка не отягощена моральными принципами. Она не отказывает откровенно дурным людям – адвокату Добровинскому, Юрию Шефлеру, пока они на пике, все двери для них открыты. Но стоит кому-то обеднеть и утратить свои по-

зиции, как он немедленно будет растерзан, а хороший он или плохой – дело десятое. Можно подбрасывать жене кокаин в карман чемодана, можно довести до смертельного инфаркта адвоката Любарскую похабным оскорблением, можно трахнуть 12-летнего мальчика-сироту, украсть сумку у вдовы, отнять у матери детей и посадить жену, забашляв ментам. Ничего из этого не сделает нерукопожатным в тусовке. Только неактуальный статус в бизнесе или медиа и неумение одеваться. Кстати, Добровинский недавно судился с собственной дочерью, провалил свой же процесс и мгновенно стал светским посмешищем. Тусовка не выносит лузеров.

Показательный пример – история Ульяны Цейтлиной. На заре нулевых она жила в гражданском браке с олигархом Бокаревым. Частные самолеты, виллы в Сен-Тропе, анфилады в Нью-Йорке. Вся тусовка группировалась вокруг нее. Особенно усердствовала одна из самых популярных It-girls, журналистка и телеведущая. Ульяна таскала ее с собой, покупала ей платья. На хвосте Цейтлиной девушки въезжали в тусовку. Именно Ульяна вывела в свет Светлану Меткину и раскрутила Нику Белоцерковскую – у виллы питерской пары, совершенно не проявленной в светской Москве, стали появляться яхты с именитыми гостями.

Но стоило Ульяне полюбить небогатого красавца, как жизнь ее резко изменилась. Частные самолеты улетали без нее, бойфренд ее бывшей приживалки потребовал с Улья-

ны несусветную сумму за номер в Cheval Blanc в Куршевеле. Учитывая, сколько эта девушка в свое время получила с Ульяны: связей, жениха-олигарха, платьев, яхт и вилл, этот номер обязаны были принести Ульяне с поклонами и оплатить на год, – пришла пора возвращать долги. Не тут-то было! Добро, сделанное в тусовке, не имеет свойства возвращаться. Вчерашние подруги неожиданно обнаружили, что у Ульяны куча недостатков. Она – страшная эгоистка! Часами приходится ждать, пока она накрутит кудри! А один раз она вообще села на колени к бывшему бойфренду своей протеже! Тусовка начала Ульяну быстренько сливать.

Аналогичная история приключилась с Аленой Ахмадулиной, стоило ей только расстаться с олигархом Мамутом. К Алене все ходили, все носили ее тряпки, «взбивали кудри ей по моде» и вдруг, удивительно неожиданно, разглядели ее истинную сущность: лицемерную, нечестную и корыстную... Чтобы тусовка не сожрала Ульяну Сергеенко после разрыва с Хачатуровым, ей немедленно была придумана легенда: роман с Сечиным. И тусовка вначале даже схавала. Казалось бы – воплощение ада, самый чудовищный упырь из всех правящих в России, а тусовка заглотила наживку за милую душу. А не было бы воображаемого Сечина, о, как бы стали Сергеенко жрать! Какие страшные и ужасные качества ей, пусть и справедливо, приписали бы, чтоб оправдать низость собственной души.

Тем временем Ульяна Цейтлина через пару лет разлюбила своего небогатого красавца. И вышла замуж за богатого некрасавца. За очень богатого некрасавца. И к ней вернулись и яхты, и самолеты, и вся тусовка опять явилась на ее день рождения, – та самая тусовка, которая ее некогда слила. И пляшут, и поют, и тосты за Ульяну поднимают. И можно было бы завопить: «Так чего же ты их теперь не выгонишь?!», если не знать, что Ульяна точно такая же, как все эти пиявки да лягушки, и она точно так же слила меня, как только я громко заявила о себе в протестном движении, слила с криком: «Зачем ты это делаешь, мне это не надо, из-за вас быдло придет в мой дом!» После винтилова на Триумфалке и укрепления Ульяны в роли жены свежепойманного богача, как корова языком слизнула наши шестилетние нежные отношения с ежедневными звонками и задушевными разговорами.

Но она хоть просто слила, не нагадила на прощание, за что ей огромное спасибо. В моей жизни была глава в этом смысле и поинтереснее – называется Лен Блаватник. Один из самых богатых людей мира. Десять лет назад, в бытность мою звездой восходящей светской хроники, Лен проявил ко мне большой приятельский интерес. Благодаря ему я увидела Лондон, побывала на лучших тусовках этого города, познакомилась с интересными людьми, за что до сих пор ему очень признательна. Мы долго приятельствовали, я бывала у него дома, отвечала приглашениями на щи и борщи.

А потом я ушла в глубокую депрессию, популярность стала сходиться на нет, а вместе с ней исчез и Лен. Мы мило раскланивались на редких светских мероприятиях, но не более того. Да казалось бы – и черт бы с ним и со всеми другими такими Ленами, плюнуть на них и продолжать раскланиваться, жалко, что ли? Но откровенного хамства я от него, конечно, не ожидала. И потому здорово обалдела, когда, вернувшись в профессию и вежливо попросив Лена процитировать дословно его торжественную речь на открытии в Еврейском музее, получила в ответ: «А почему я должен на тебя работать?» Это уже был совершенно четкий месседж: какой резон мне поддерживать отношения с теми, кто не в обойме? К чести тусовки замечу, что таких прямодушных «фермерских» сливщиков было немного, но они были.

Но были и другие. Один из плюсов выхода из тусовки – понимаешь, кто who is who. Кто настоящий, а кто подделка, кто золото, а кто дешевая китайская позолота. Иногда людям даже удавалось удивить меня приятно – взять хотя бы крупного телевизионного чиновника, которого я всегда считала циничным талантливым охотником за наживой. И вот в сложный момент именно он решил мне помочь, ни с того ни с сего. Он всегда звонил сам, с конспиративных номеров. Его не надо было задалбывать эсэмэсками, он всегда писал первым, даже когда сказать было нечего. А на мой вопрос «Почему?» ответил, что просто любит и уважает нас с Игорем.

Спасало и то, что до своего ухода из тусовки я намыла людей редкой душевной красоты, как золото, по крупинкам, сколотив вокруг себя костяк из самых близких. Плюс я получила немногочисленный, но крепкий круг друзей Игоря. Именно эти люди были с нами в несчастьях, только они и помогали, так что в наших друзьях я не разочаровалась – что могли, то делали. Многие из них были с периферии светского круга, но и в первых рядах находились редкие исключения – приличные люди. Например, в самые сложные моменты нас пыталась куда-то вытянуть художница Саша Вертинская.

На самом деле вовремя свинтить из этого светлого мира – иногда вопрос жизни и психического здоровья. Когда есть альтернатива тусовке в виде любви и счастья – только клинический идиот выберет тусовку. Они ведь все и крутятся там в надежде на это семейное счастье: такая иллюзия создается, что лучшие мужья, самые красивые и интересные жены – все именно тут и только тут.

Жить так – в поиске, в круговерти, в ожидании приглашения – весело, но очень утомительно, а когда еще твоя популярность ни на чем не основана – еще и вредно для здоровья. Потому что никогда не знаешь, когда просядешь, отчего вылетишь, кто про тебя какую сплетню пустит, кто подставит – от себя ты вообще не зависишь, будь ты хоть трижды красотка и звезда. И нет, я не говорю другим, мол, «не выходите в первые ряды и не стремитесь в примы-балерины» –

да нет, выходите, стремитесь, сколько влезет, всяко полезно для опыта, а может, и счастье случится, может повезти по-крупному. Но когда вас сольют или вы сами сольетесь – не впадайте в транс, не бейтесь об стенку головой: это не конец жизни, а отличная возможность наконец пожить по-настоящему.

Я для себя давно постановила, что приглашения должны быть или следствием твоей деятельности, или быть результатом близкой дружбы с хозяевами вечера. Никаких тусовок просто так быть не должно, иначе ты расплещешься, раздашь себя по кусочкам, нервишки истратишь ни на что, радость жизни даже – и ту не сохранишь. Перефразируя Катона, лучше пусть спрашивают: «Почему его нет?», чем «Почему он здесь?».

Чем больше времени проводишь вдали от тусовки, тем больше обнаруживаешь в этом плюсов. Не надо улыбаться тем, кого презираешь, а после истории с Украиной их полку прибыло. Не надо куда-то переться, потому что пригласил кто-то важный. Это здорово. Особенно не нужна тусовка, если есть семья, любимый муж.

Так со светского небосклона исчезла Светлана Маниович, она же Светлана Захарова, без которой раньше ни одно мероприятие не обходилось, – влюбилась в важного человека Тимура Иванова, создала семью, и только мы ее и видели. Окольцевав свое счастье, тусовку покинула все та же Цейт-

лина, и, наверное, правильно сделала. Именно из-за яркого света софитов какая-то мразь из последнего ряда чуть не сломала ей жизнь. Как только Ульяна, красавица из первого ряда, завела серьезные отношения с большим человеком и как только у них вспыхнула самая настоящая любовь, тут же вышла статейка в помойной газетенке, прочитав которую пугливый мужик мог бы и сбежать: такие там были лживые гадости про ловлю олигархов и прочее.

Вообще одна из самых гнусных составляющих жизни в тусовке – то, что ты постоянно находишься под поганым прицелом желтой прессы, под завистливыми, тяжелыми взглядами тех, у кого нет шансов пробиться в первый ряд, мало того – тебя ненавидят и ребята из самого первого ряда, ненавидят из страха, что кто-то их обскочет, оттолкнет, догонит и перегонит, что кому-то достанется кусок больше и лучше. Сплетни – неотъемлемая часть тусовочной среды, и о них следует поговорить отдельно.

* * *

«Есть только две поистине захватывающие темы, достойные серьезных рассуждений: сплетни и метафизика», – якобы Иосиф Бродский, со слов друзей. Своими ушами не слышали, нам один остроумный писатель напел, а потому, возможно, любовь Бродского к сплетням – просто сплетня.

«Что такое счастье – это каждый понимал по-своему», –

писал в «Чуке и Геке» Аркадий Гайдар. Так вот: что такое сплетня, тоже каждый понимает по-своему.

Википедия, например, утверждает, что «сплетня – это слух о ком-нибудь, распространяемый на основании неверных, неточных и измышленных сведений». Словарь Ушакова уточняет: «недоброжелательный или порочащий слух». Если слух не просто недоброжелательный, а окончательно порочащий, тогда это уже не сплетня, а, прямо скажем, клевета, подсудное дело. Но пока слух ходит по тусовке и в интернете, поймать злодея за язык трудно. Приходится дожидаться, пока дело выползет в желтую прессу, но и тогда не факт, что прищучить удастся. Мерзавцы-журналисты научились обходить закон о распространении клеветы, приделывая к слуху знак вопроса. Вот новый формат заголовков на порталах-сплетниках: «Мамыкина снимают за разврат?», «Алла Пугачева укусила Максима Галкина?», «Петр Порошенко изнасиловал снегиря?». А тех, кого раньше называли клеветниками и звали к барьеру, теперь называют почти ласково – тролли. Чего, мол, обижаешься, он же просто троллит! Это просто милый старый тролль, не обращай внимания! Прикинь, Пушкин бесится, а ему: да ладно, что с троллями связываться! «Ах, братец, злые языки страшнее пистолета!» – «У троллей руки короткие, забей ты, брат, на это». Большая часть сочиняется специально: из недоброжелательности. Чаще всего – из зависти. Ну или просто оттого, что человек вызывает у сплетника сильные чувства, напри-

мер, любопытство: отчаянно же интересно, как он там живет, кто ему целует пальцы.

Иными словами, пусковой механизм большинства сплетен – нелюбовь к их главному герою. Я, например, поздно встретила счастье, у нас обоих был непростой характер, но то, к чему я шла всю свою жизнь, я получила – а посему очень дорожила своей семьей. Но и галерка не дремала: смотрела зло и завистливо, мечтала, чтобы я споткнулась. Затаив дыхание, целая колония сетевых глистов ждала, когда же мы с Малашенко разойдемся. А чтобы ждать было не скучно, время от времени сетевые паразиты вбрасывали инфоповод – топорно сляпанную сплетню. Забавно: интернет-глистам никак не удавалось попасть в наш ритм и выпустить релиз точно ко времени. Например, перед моим сорокалетием вся вонючая колония пукнула в лужу, – вбросила в паблик сплетню «Божену бросил Малашенко». Видать, терпелка у них лопнула: ну сколько в самом деле можно, как Рина Зеленая в фильме «Весна», сидеть и приговаривать: «Сейчас он ее бросит, сейчас он ее бросит!»

А мы тогда, высунув язык, искали квартиру на Патриарших. Ничто не цементирует любовь так, как совместная борьба с агентами по недвижимости! И представьте, именно в эти, наполненные страстями и квадратными метрами дни просыпаемся мы с утра, а молва нас развела. И не могу сказать, что совсем уж беспочвенно: пару раз в неделю мы начинали расходиться прямо с утра, достигали апогея к ужи-

ну, а потом начинался процесс схождения обратно. Летели клочки по закоулочкам, а посуда – по гостиной.

Понятно же, что в желтую прессу насвистел кто-то с галерки. То есть некто, не имеющий ну никакого источника информации. Ради интереса проследили путь сплетни, – следите за руками, фокус незамысловатый.

Итак, оказалось, «такую неприязнь испытывала к потерявшей, аж кушать не могла» бывшая жена сатирика Лео Каганова Ольга, сменившая человеческую фамилию Никифорова на Демиург, чтобы фамилия рифмовалась с ее профессией – драматург Демиург, сценограф Автограф, сталевар Боливар. Девушка Ольга, несмотря на миловидность, не смогла сделать хорошую партию, и у нее свербило, – ну почему ей никак не прет в замужестве? Ну почему она не может просто так пойти и купить себе пяток модных платиц? Почему у кого-то шофер, а ей – топать на метро? Где ошибка в программе? Нет ответа. Жизнь, Олюшка, несправедлива и алогична. Кому-то карамелька, а кому-то муки горькие. И одно на другое очень быстро меняется, – вся моя жизнь тому подтверждение.

И вот эта «Олюшка» (есть что-то странное в том, что половозрелую и даже дебелую особь называют Олюшкой, а не Ольгой Батьковной) придумала, что Малашенко меня «дрессирует», накатала в «Фейсбуке», а там – пошла писать губерния. Дальше сплетня оказалась подхвачена колумнисткой «Сноба» Ариной Холиной, в свое время изгнанной из

моего ЖЖ за бездарность.

Я долго терпела ее присутствие в моем ЖЖ, кривилась от ее комментариев, но, когда объемы тупости, помноженной на полную бездарность, превысили санитарные нормы, выдворила Арину вон. Она, как писал Зоценко, «затаила в душе некоторое хамство» и с тех пор регулярно пытается оклеветать меня на своей поляне. Ну, взять и передернуть правду. Так, чтобы было похоже, но не то. Обрезать кусок фразы. Составить предложение из двух других. Подлейший метод, но именно так и действуют самые гнусные клеветники, иначе кто б им верил.

Раздав паре сестер по серьгам, вернемся к нашим баранам. Баранам в прямом смысле. Результатом выдачи страстно желаемого за действительное вышло полнейшее «непопадалово». Или попадалово – это смотря с какой стороны посмотреть. Когда мы в разгар квартирной петрушки с евреем Ивановым и его троюродной тетей из Парижа прочитали эту страшно новую, просто офигительно неожиданную сплетню «Малашенко бросил Божену», мы только и смогли сказать хором, то бишь дуэтом, короче в унисон, цузамен: «ДЕЛАТЬ НЕЧЕГО!» И действительно – вот делать нечего всем этим теткам – драматургу Демиургу, графоманке Арине Холиной, писательнице Татьяне Толстой, которая, как сумасшедший с бритвою в руке, ходила по следам моих комментов в «Фейсбуке» и писала малознакомым сплетникам про Малашенко:

«На самом деле он ей не муж».

В других случаях сплетня может родиться не со зла, а из подлости. Как-то раз в Париже жена олигарха Гусинского стала меня спрашивать, что мне известно о похождениях ее мужа. Мне, конечно же, было все известно. И словосочетание «Юлия Хиф» у меня сомнений не вызывало. Но я приняла огонь на себя. Била себя в грудь, уверяла, что у ее мужа сейчас адская запарка в бизнесе и ему не до грибов. В это же самое время мой муж Игорь разгребал тот же завал. О чем я убедительно рассказала жене олигарха, четко расписав, где, над чем и сколько дней ее супруг, гад такой, работал, наплевав на свою святую обязанность развлекать жену и тещу.

Благой порыв разъяснить и успокоить вышел мне радикальным боком. Жена и теща решили произвести разведку боем и свои подозрения облекли вот в такую замечательную форму: «А вот Божена говорит...» То есть если не хочешь запалить реальный источник сплетни, придумай, в чьи уста можешь ее вложить, – и подставь самого малоценного из своего окружения. Что и сделала Елена Гусинская.

Кстати, потом она призналась моему мужу, что оговорила меня ее мать, как месть за то, что я не взяла ее с нами на ужин (устала от трескотни, о чем честно сказала). Муж донес эту информацию до Гусинского. Но тот передо мной так и не извинился. Знал, что я не сплетничала. Но упорно не хотел признавать себя неправым. Ну, коли так, раз это я рассказала то, о чем знал весь Лондон, так пусть уж буду виновата за

дело, не без вины.

Как бороться с переводом стрелок «А вот она про тебя сказала...»? Никогда не сплетничать. Чтобы люди знали, что ты – как старик Форсайт: «Мне никто ничего не рассказывает». Тогда люди задумаются, могла ли именно ты быть источником информации.

Ну а тех, кто без перемывания чужих костей и дня прожить не может, сплетни радуют своим разнообразием и широкой областью применения. Сплетни бывают разные: веселые и скучные, фантастические и такие будничные, что их и за сплетню-то считать нельзя. Жестокие и милые, грубые и глупые, полезные и бесполезные, свежие и с душком. Какие-то запускаются нечаянно, по глупости: увидел, неправильно понял – и вперед, нести инфу в народ.

Есть сплетни вечные. Старая жвачка, вылезаящая, когда околотусовочным кругам не о чем говорить. Одной такой, под названием «Бондарчуки разводятся», стало, слава богу, меньше: Федор и Светлана развелись. Бондарчуки сползали в развод долго, но хавали эту сплетню только люди с периферии тусовки. Настоящие игроки могли обсуждать развод Бондарчуков всерьез разве что лет пятнадцать назад. Как говорил Ретт Батлер, «даже самая бессмертная сплетня может износиться». Если же вы хотите действительно поинтересничать, придать себе весу в вышедшем из моды *Vogue safe*, то скажите, что слышали, будто Паулина и Федя разводятся

и Света опять в игре. Никто не поверит, но вам же важна не вера, а признание вашей осведомленности.

Сплетни, придуманные самой дешевой галеркой, это отдельная история. Обитательницам панелек и хрущевок, которым до тусовки дальше, чем до Голливуда, спать спокойно не дают все те, кого принято считать богатыми и успешными. Когда тебя не пускают посмотреть на светскую жизнь, даже на третий ярус, даже в щелочку, – очень хочется конвертировать свою ненависть во что-то нет-нет, да и способное уязвить запавшего в душу селеба. Как правило, такие сплетни отличаются безобидностью и дальше «Шоколадниц» в спальных районах не расходятся, ибо даже самому мало-мальски варящемуся в светском котле тусовочному элементу ясна их надуманность.

Вот вам классический пример: «Ульяна Цейтлина родила от мужа Ники Белоцерковской!» И тусовка, и околотусовка, и даже малознакомые малознакомых прекрасно знают, кто отец ребенка Ульяны Цейтлиной. Нет, не олигарх. Да, очень хорош собой и абсолютно бесполезен. Говорят, проектирует какой-то вертолет, который все никак не полетит. И сплетня про Белоцерковского и Цейтлину не имеет под собой подоплеки. Какой прок галерке это обмусоливать? – А что еще им остается! У них «против Кости Сапрыкина методов нет». Выхода нет – только злословить. «Сплетни – опиум угнетенных». Спально-шоколадные тетеньки с тройными животами,

усами и дешевыми стрижками цвета пергидроль или баклажан могут повторять друг другу эту байку сколько влезет. Но не дай вам бог в обществе брякнуть что-то типа «А правда, что Ульяна?..» – вы распишетесь в безнадежном лоховстве. Как будто пришли с поддельной «Биркин», когда и настоящую-то уже не носят. Если вас пускают в свет хоть на полшищечки, то вы знали, кто отец ребенка Ульяны, когда еще и ребенка-то на свете не было. А с этакой треш-сплетней нынче даже в общий вагон не пускают.

Кроме сплетен про развод и измены, есть категория противных сплетен про чью-то якобы гомосексуальную ориентацию. Обвинение в гомосексуальности у сплетников вообще самое любимое. Доказать невозможно, отмазаться нереально, осадочек остается, и, заметьте, в суд на источник информации не подать! Потому что – а что такого? Быть геем не преступление, думать, что человек гей, и болтать про это – тоже вполне законно: типа полагать, что человек марки коллекционирует, а он, оказывается, по пивным кружкам специалист. Подумаешь, дело, ошибся, а ошибка – ни разу не клевета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.